

Бессмертный полк

«Наши мёртвые нас не оставят в беде, наши павшие – как часовые...»

текст Надежда Локтева

раздваиваешься: одна твоя часть даже сквозь застилающие глаза слёзы умудряется любопытно глазеть по сторонам, на трибуны, высматривать себя на экранах, другой же ясно, что твоя персона тут уже не имеет никакого значения.

У меня на одном транспаранте – три портрета, три моих деда. Один – мамин отец **Алексей Петрович Краснов**, умерший в 53-м, другой – папин родной отец **Пахом Георгиевич Лягошин**, пропавший без вести под Харьковом. Ещё один – приёмный, но родной и мне – дедушка Петя, Пётр Георгиевич, чью фамилию я ношу, тяжело раненный в начале войны в Карелии и единственный из них, кого я знала

и любила живым... У кого-то – просто старые фотографии в руках, кто-то на огромный лист картона наклеил с двух сторон около полтора десятка портретов, подписав незатейливо: «брат отца», «троюродный дядя матери», «двоюродный дед жены». И всё это правильно до дрожи, до кома в горле...

Не я прохожу по площади – в моих руках, моими ногами проходят три моих деда, и с нами тысячи таких же, как они, как все эти люди, что смотрят с чёрно-белых фотографий из глубины лет. Никакой мистики в этом не было – но их присутствие ощущалось настолько явно, что аж мурашки по телу. Они вставали за нами молчаливой поддержкой, касаясь плечом, шагали рядом, несли тебя как на крыльях... Мне казалось, что я нахожусь где-то в хвосте колонны, но, обернувшись в конце площади, я увидела,

Не я прохожу по площади –
в моих руках, моими ногами проходят
три моих деда, и с нами тысячи таких же,
как они, как все эти люди,
что смотрят с чёрно-белых фотографий
из глубины лет.

что вся она заполнена белой рекой «Бессмертного полка», и конца этой реке нет... «*Наши мёртвые нас не оставят в беде, наши павшие – как часовые*», – в тот момент эти строчки из песни Высоцкого не были метафорой. И в этом была такая невероятная мощь и сила, что она затмила собой и «Арматы», и ракеты военного парада на Красной площади.

И силу эту почувствовали все – это стало ясно уже в ближайшие часы, когда начали появляться первые отклики в Интернете. От восторженных до злобно-истеричных или пытающихся скрыть за высокомерной иронией животный страх. Не только по поводу «Бессмертного полка», но и по поводу всего «победобесия», как окрестили это те, кому победы нашей страны вообще поперёк горла.

Прошу прощения за такой пример, но мне очень показательным в истерии по поводу Дня победы показалось то, как выразилось в сети возмущение по поводу появившихся на автомобилях неких горе-патриотов похабного вида наклеек

с надписью «Можем повторить» и двумя схематичными фигурками с серпом и молотом и свастикой вместо голов. На мой взгляд, картинка действительно гнусная – прежде всего потому, что она кощунственна и оскорбительна для ветеранов, которые вообще-то фашизм героизмировали, а не поимели. Потому что подменяет высокие героизм людей – самых простых людей, не стремившихся быть героями, а просто защищавших свою землю, своих родных и близких, – откровенной грязью, уголовными понятиями... Но почему же многих авторов публикаций особенно возмутили не непристойность и кощунственность картинки, а сама декларация того, что «можем повторить»?

Писали о милитаризме, об агрессивности, о желании повторить чудовищную войну, унесшую десятки миллионов жизней по всей Европе. Но, если отделить скверную, провокационную форму картинки от её посылки, – что именно мы «можем повторить»? Разве это мы развязали ту войну? Разве советский народ пошёл на Европу как захватчик, разве это Красная Армия перешла границу 22 июня 1941-го? Нет – наша страна сумела защитить себя, добить фашизм в его логове, освободив и другие народы. И вот не просто обычные люди, а даже последние гопники осознали вновь это «мы», осознали свое единство со страной, её мощь и силу, осознали то, что мы готовы и можем вновь защитить её всем миром – если кому-то вдруг вздумается испытать нас на прочность. Но разве готовность отразить нападение агрессора означает желать повторения войны?

Посыл «Бессмертного полка» тоже был прочтён как «можем повторить» – только не в похабной форме, а почти в сакральной: его неоднократно сравнивали с крестным ходом, только светским. И эмоции он вызвал в антипатриотическом стане даже более сильные – потому что ни в форме, ни в сути «Бессмертного полка» не к чему было придираться. Потому что деды воевали у всех – и у либералов, и у патриотов, и многие люди либеральных убеждений участвовали в этой акции искренне и горячо. Да и фашизм в этой среде, слава Богу, пока не реабилитирован. Поэтому и пошли в ход любые средства – от фальшивок с выброшенными на помойку портретами «Бессмертного полка» до высокоумных рассуждений об «архаизации сознания и возврате к языческому почитанию предков» и предложений организовать акции типа «Бессмертного ГУЛАГа». Но – мимо...

Всё мимо. Потому что в «Бессмертном полку» есть то же, что и в крестном ходе, где Крест – орудие не казни, а Воскресения, победы над смертью, а образа мучеников – это образа победителей. Я не пытаюсь уравнивать эти разнородные понятия и причислить наших фронтовиков к лику святых (это не в моей компетенции), но главное в том, что «Бессмертный полк» – тоже шествие победителей. Есть то, что объединяет людей с портретов «Бессмертного полка», кроме нашей любви, боли и памяти, – это мощный положительный мотив, общее дело, общая Родина, за которую они все сражались. Чего, при всём сочувствии и скорби о жертвах, не может быть в гипотетическом «Бессмертном ГУЛАГе», который стал бы именно траурным шествием, каким опасались увидеть «Бессмертный полк» некоторые патриоты вроде Николая Старикова.

«Бессмертный полк» показал, насколько мы нужны друг другу – не столько мёртвым нужна наша память, сколько мы в эти трудные времена нуждаемся в поддержке наших дедов и прадедов, этого поколения, выдержавшего нечеловеческую проверку на прочность в годы войны и забвение в 90-е. И насколько мы сильны вместе.

Мы нужны друг другу –
не столько мёртвым нужна наша память,
сколько мы в эти трудные времена
нуждаемся в поддержке
наших дедов и прадедов,
этого поколения,
выдержавшего нечеловеческую проверку
на прочность в годы войны.